

На мірскомъ передѣлѣ землѣ.

(Очеркъ изъ съверно-русской жизни) *).

— А. А., вѣсъ звали на сходъ: десятской приходилъ и говорилъ, чтобы непремѣнно пришелъ, больно нужно, винъ,—объявилъ миѣ работникъ Евгений, когда я ворнулся съ охоты и только-что расположился отдохнуть.

— Не знаешь-ли, зачѣмъ, что такое случилось?—сѣ венснѣемъ спрашивалъ его, такъ какъ приглашали меня на сходку лишь въ исключительныхъ случаяхъ; панр., сдѣлать учесть старостѣ, разъяснить смыслъ закона или начальственнаго предписанія, вообще разобраться при помощи ариѳметики и элементарнаго знанія законовѣденія въ какой-нибудь общественной «путаницѣ», и когда, къ тому же, сельскій писарь и «счетчики» уже спасовали. Хотя я былъ такой-же членъ общества, какъ и прочіе, но всѣ знали, что живу я не одинъ земледѣлемъ, поэтому и не беспокоили часто.

— Да будто-бы насчетъ передѣла земли... Такъ бають по деревнѣ-то—отвѣтилъ на мой вопросъ Евгений.

О необходимости передѣла земли давно уже поговаривали у насъ, но до спѣхъ поръ все дѣло кончалось толками, хотя необходимость эта ясно сознавалась большинствомъ членовъ общества. Тормозило дѣло меньшинство влиятельныхъ.

Общество наше состоять изъ одной только деревни, Бережной (въ Вологодской губ.), съ населеніемъ 136 рев. муж. п. душъ, а наличныхъ обего пола около 400, передѣла-же земли не было съ послѣдней ревизіи—1858 г. За такой долгій періодъ времени распределеніе земли сдѣгалось крайне неправильнымъ: сильный да богатый крестьянинъ владѣлъ вдвое большимъ количествомъ земли, чѣмъ ему слѣдовало-бы, да и лучшаго качества, благодаря постепенному пріобрѣтенію отъ бѣдняковъ разныхъ «полосочекъ» и «поляночекъ» посредствомъ куили и мѣны. Платежъ-же повинностей, между тѣмъ, нисколько не измѣнялся изъ-за такого порядка вещей: кому и насколько надѣловъ отведено было земли въ началѣ выкупа, тотъ за столько надѣловъ и платилъ выкупные и другіе платежи, хотя-бы впослѣдствіи владѣлъ, какъ сказано, вдвое большимъ или меньшимъ количествомъ земли. Такой порядокъ, конечно, для богатыхъ былъ выгоденъ, и они всѣми средствами тормозили возможность передѣла, какъ, наоборотъ, бѣдные всѣми силами добивались его.

Съ каждымъ годомъ, однако, такая аномалія во владѣніи землей выступала все рельефище, и крики бѣдняковъ о несправедливости ея стали повторяться все чаще, чуть-ли не при каждой сходкѣ. Наконецъ, должно быть такой порядокъ сдѣгался не втерпѣжъ уже и тѣмъ изъ членовъ общества, для которыхъ было все равно,—дѣлить-ли землю или владѣть ею по старымъ межамъ, и вотъ собралась специально для решенія этого дѣла сходка, результатомъ которой я былъ крайне заинтересованъ и, какъ членъ, какъ участникъ въ этомъ дѣлѣ, поспѣшилъ отправиться туда.

Изба старосты Ивана Васильева была, когда я вошелъ, буквально переполнена однообщественниками, и споръ двухъ враждующихъ сторонъ былъ въ полномъ разгарѣ.

*) Изъ газеты «Съверный Край» 1899 г. №№ 32, 35 и 36.

Трудно было разобрать, кто и что говорилъ, такъ какъ говорили или вѣрнѣе сказать: кричали все вмѣстѣ и никто никого не слушалъ. Но вотъ на минуту притихли, и староста, замѣти меня, какъ вновь подошедшаго члена и незпавшаго еще «обѣ дѣлѣ» обратился ко мнѣ съ разъясненіемъ и вмѣстѣ съ вопросомъ насчетъ моего мнѣнія.

— Видишъ-ли А. А., многіе у насъ вскумощились*) передѣлить землю, — говорить онъ, — а другое не хотятъ, такъ, какъ ты думаешьъ?..

— Для меня, братцы, какъ хотите: куда большинство, туда и я! — отвѣчалъ.

— Такъ-то такъ, А. А! — говорить противники передѣла, — но, примѣрно, мы владѣли своими участками около 30-ти лѣтъ, всячески ихъ удаѣривали, холили, сдѣлали свои полосы, что скатерти, и хлѣбъ у насъ сталъ родиться двойной, другое же, примѣрно, запустили чуть не всю пашню, да и остатки ся истощили, потому что всячески изѣѣгали тяжелой работы, шли на легкіе заработки.. Такъ, посудите сами, зачѣмъ же мы будемъ отдавать свои-то полосы и опять садиться на ихнѣ, истощенные?.. Тощую-то не сдѣришь 10 лѣтъ.. Зачѣмъ же нась-то обижать?.. Вѣдь они — кто добивается передѣла — что наживали, такъ наѣмъ не давали, съ нами не дѣлились? А если проматывали наѣмъ же ту или другую полосу, аль полянку, то не доброй волѣ, сильной руки не было... А теперь, вишь надо отобрать, да мало того — еще сбавить мнѣ на подлушки и надѣла, даромъ что я выкупалъ землю то около 30-ти лѣтъ!.. Десять лѣтъ пройдетъ, такъ и то утверждаютъ въ иравахъ, не токмо што... Нѣть, это не порядокъ!..

— Десятилѣтия давность, о которой ты поминаешь, — разъясняю я дядѣ Дмитрию, — относится къ личной, крѣпостной собственности и въ данномъ случаѣ не примѣнится, такъ какъ земля здѣсь общественная и воля наѣмъ ней, значитъ, тоже должна быть общественная.

— Полно, дядя Митрой, грѣшить-то! — говорить Васюха. Это разѣй порядокъ тоже: ты вотъ за двѣ души подати-то платишь, какъ и я, а у тя сростаетъ хлѣба-то 50 мѣшковъ, а у меня только 10, а вѣтъ ёдоковъ-то у меня не менѣе твоего?.. Это разѣй справедливо? вѣдь земля-то общественная!..

— Вѣро! вѣро! затремѣло въ толпѣ.

— А кто вѣсъ унимаетъ удобрять землю-то или вновь распахивать? Пениковъ-то есть еще — распахивай! — возражаетъ Дмитрій.

— То-то, вишь нѣть такихъ, такіе ты-то захватилъ! У тебя полянка-та возлѣ самое поле, сажень сто отъ деревни, а наѣмъ надо распахивать ужъ по ту сторону ляги, версты три отъ деревни, а это разѣй не разсчетъ?.. Ты навозомъ-то овалишь ее въ одинъ день, а наѣмъ надо недѣля, также пахать, боронить и жать — все впятеро болыше уйдетъ времени.. А земля-то разѣй тамъ такая, какъ у тобя? Вѣдь тамъ — одна глина! Нѣшто мы маленькие, не понимаемъ?.. Что зубы-то заговариваешь наѣмъ!.. огрызается Васюха.

— Да вотъ, ребята! разѣй это по бежески: примѣрно Афанасій-то Васильевъ даль моему отцу когда-то въ голодный годъ два мѣшка ржи, а выговорилъ за это какую полосу-то?.. Онь каждый годъ снимаетъ съ нея по три мѣшка, а пользуется ужъ 20 лѣтъ... Я плати подати, а онъ моей полосой пользуется... Это нѣшто порядокъ? говорить Кленко, маленький мужичекъ.

— Дѣлить, непремѣнно дѣлить надо! кричить выступившій впередъ Новиковъ: земля общественная, а пользуются только пять-шесть семей, а мы умирай съ голоду... Вотъ у меня три сына, а земли-то на одну душу, а у Титка ни одного нѣть, все дѣвки, а владѣеть на три души, это ужъ совсѣмъ обидно!..

— Такъ что, хоть и на три души! Ты вѣдь за меня подати не платишь? Я и за три да акуратнѣе твоего плачу.. — огрызается Титъ Сибиркинъ. — А что у меня нѣть сыновей — на то воля Божья! — у меня за то четыре дѣвки, не всѣхъ же отдаѣмъ замужъ, возьму и пріемыша, а у тово може болыше твоего будеть парней-то!..

— Да ёсть то вѣдь каждый день надо, а у тебя «улита ёдетъ, да когда еще

*) Вскумощиться — неожиданно предпринять что-либо, сдѣлать, собраться и т. п.

пріѣдѣть», да дѣвку одну ты ужъ запоручилъ *), може и другую отдашь въ это межговѣнье, у тебя, значить, убудеть семья-то, а мы вѣтъ надо женить одного парня, у меня еще прибудеть ъдоковъ... А что я не акуратно плачу подать, такъ ты, умная башка, попробуй-ко на моей-то одной душонкѣ земли пожить, такъ можетъ быть не только подати не заплатишь, но съ голодухи умрешъ!.. А я плачу и подать... Ты хлѣба-то продаешь рублей на 30 въ годъ, а я съ нового года каждогодно ужъ покупаю, ты и сѣно-то продаешь, а я арендую покосу на 20 р., потому — на одной-то душонкѣ не далеко ускакешь...

Мало-по-малу споръ двухъ сторонъ становится все тише и тише — признакъ готовящагося примиренія. Наконецъ, дядя Дмитрій встаетъ съ лавки и говоритъ:

— Ну, какъ хотите, братцы! Я не перечу миру: дѣлить, такъ и дѣлить!..

— Вѣтъ давно бы такъ, дядя Митрѣй!.. За это — спасибо!.. слышится въ толпѣ,

— И я согласенъ, Богъ съ вами! говорить Сибиркинъ: колп-что, нехватки будутъ, то распашу и на купленой (крѣпостной), земли у меня хватить..

Порѣшили передѣлить всю землю, какъ пахатную, сѣнокосную, такъ и годную подъ то или другое, но скотскій выгонъ и дровянай лѣсъ оставить въ общемъ, по прежнему, пользованіи. Дѣлежъ рѣшено начать съ завтрашняго же дня и на первый годъ изъ пашни раздѣлить лишь то поле и полянки, что были подъ паромъ — «паренину», такъ и въ слѣдующій годъ; такимъ образомъ, дѣлежъ окончить лишь въ три осени, такъ какъ система хозяйства трехпольная.

Порѣшивши въ принципѣ передѣлить нашу «кормилицу», немедленно же приступили къ разверсткѣ (пока теоретически, конечно), душевныхъ надѣловъ между однообщественниками. Разверстка производилась смотря «по ъдокамъ каждого двора: съ одного двора сбавляли на 1 душу, на $\frac{1}{2}$ души, даже на $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{8}$ часть души, а другому прибавляли таковое же количество. Здѣсь принималось во вниманіе все, всякая мелочь въ состояніи семьи въ настоящемъ и въ возможномъ будущемъ. Такъ, если у крестьянина, въ родѣ Сибиркина, дѣти все дѣвочки, то рѣшено надѣлить ему и на будущаго приемыша на $\frac{1}{2}$ души, а у другого хотя и есть сынъ, но находится виѣ общины и уже «отчисленлся», перешель въ другое сословіе или другое общество, то на такого «отрѣзанаго ломтя» земли уже не полагалось. Что касается такихъ членовъ общества, которые находятся въ военной службѣ, въ частной, или просто неизвѣстно гдѣ, «може померъ, а може и явится», то всѣхъ этихъ, какъ могущихъ вернуться, рѣшено надѣлить землею на-равнѣ съ живущими въ самой деревнѣ. Даже рѣшили надѣлить земли на одну душу Андрею Крушину, у которого послѣ смерти отца земля перешла «по разнымъ рукамъ», и самъ онъ воспитывался всѣмъ обществомъ, по-очередно кормился, а теперь подросъ и думаетъ «домомъ жить», т. е. хозяйствомъ, самостоительно.

Немогло обойтись и при этой разверсткѣ безъ спора и браніи, конечно, но такъ какъ главное — передѣлить — было уже рѣшено, то въ подробностяхъ на счетъ «сбавки» или «прибавки» надѣловъ и частей его много не разсуждали. Каждый изъ участниковъ приблизительно зналъ заранѣе съ кого и сколько нужно, по совѣсти, сбавить кому и сколько прибавить, поэтому скоро и порѣшили съ этимъ вопросомъ. Написали затѣмъ приговоръ и началось рукоприкладство, съ неизбѣжными шутками.

— Эхъ, ты, Новиковъ! что ворона набродилъ на листѣ-то... замѣчаетъ подошедший на сѣнью ему Костюха Сѣрковъ.

— Нѣть-па, мастеръ росписываться-то, только бы урядникомъ бытъ!.. Ужо, какъ самъ-то подпишешъ?.. Э-э! да тебѣ не помѣститься и на листѣ-то, надо поднить изъ подъ сахару тотъ листъ!..

Кончили и рукоприкладство съ неизбѣжнымъ заключеніемъ: за большинство членовъ общества «по личной ихъ просьбѣ за неграмотностю такой-то руку приложилъ». Вспомнилъ кто-то при этомъ одинъ казусъ, бывшій съ Новиковымъ въ молодости, заключавшійся въ томъ, что разъ становой приставъ заставилъ его росписаться за какого-то неграмотнаго, Новиковъ взялъ перо и спрашивалъ пристава: что ему писать?

*.) Запоручилъ — запросваталъ.

приставь отвѣтилъ: «пиши по безграмотству такого-то такой-то руку приложилъ». Но-виковъ такъ буквально и написаль, не упомянувъ имянъ, за что и получилъ плюху. Но-смѣялись падъ этимъ и стали расходиться по домамъ, «къ бабамъ подъ крыльшки», по замѣчанію одного новоженця, уговорившись на завтра утромъ собраться опять къ старостѣ, чтобы оттуда и отправиться въ поле.

На утро подхожу къ дому старости и застаю тамъ уже всѣхъ домохозяевъ на-лицо, которые были въ полномъ вооруженіи: съ топорами за поясомъ и двухсаженными кольями на плечахъ для обмѣриванія земли. Вотъ, наконецъ, тронулись въ поле, благо-словляемые бабами и провожаемые ребятишками... Шествіе было достойно кисти худож-ника! Вся толпа шла молча, изрѣдка перекинется кто-нибудь словечкомъ—и онять все замолкнетъ. Каждый былъ погруженъ въ думу «спасти свое животишко», ибо это самое животишко всецѣло зависѣло отъ земли, которую приступили раздѣлить. А что, если мнѣ да достанутся все неудобныя, глинистыя полосы и хлѣбушко не будетъ рости?» каждого мучилъ этотъ неотвязчивый вопросъ и сжималъ сердце... Артельнаго, веселаго смѣха, обычного при всякой общественной работе, здѣсь не было и въ поминѣ...

Вотъ, наконецъ, и поле. Какъ дѣлить? Условились производить дѣлежъ по преж-нему: сначала раздѣлить поле на половины, раздѣливъ и общество такъ, чтобы число душъ у той и у другой половины было 68, не дробя, конечно, семействъ, каждая половина дѣлилась тоже пополамъ, и затѣмъ также на двѣ равныя части дѣлилась и каждая $\frac{1}{4}$ часть — «четверуха». «Восьмуха» должна дѣлить землю уже подушно, каж-дому двору отдельная полоса, согласно числу душъ.

Каждая половина, четверуха и восьмуха имѣла своего представителя и по нему называлась. Представителями были наиболѣе многочисленные въ родовомъ отношеніи члены общества, притомъ обладающіе наибольшимъ пониманіемъ веденія сельскаго хо-зяйства. Наша половина общества, т. е. та, къ которой принадлежалъ я, называлась «кадушкинами», по представителю ея, крестьянину Кадушкину; другая же половина называлась «митенцами», такъ какъ представителемъ ея былъ тотъ самый дядя Дмитрій или Митя, о которомъ уже было говорено, и т. д.

Посрединѣ поля, предназначеннаго къ раздѣлу, проходила дорога, прежде раздѣ-лявшая поле на половины, но ни та, ни другая половина общества лѣвую «задорож-ницу» не брала добровольно, что называется «съ люби», а всѣ лѣзли къ правой, считавшейся плодороднѣе.

— Да мы, говорять кадушкины,—на двѣ сажени уступимъ еще изъ правой задорожницы на лѣвую, только отдайте намъ правую!..

— Какъ бы не такъ! Мы тѣ уступимъ,—отдайте-ко сами! говорять митенцы.

— А мы четыре!

— А мы пять! кричатъ опять митенцы.

— Коли пять уступаете, то берите! сказали кадушкины.

— Возьмемъ! кто то сказалъ изъ митенцевъ, но другіе протестуютъ: «Что вы, съума разѣ снятили! Дай-ко пять саженъ, откинь да во всю-то длину поля, то сколько у нихъ земли-то прибудетъ, а намъ что останется?.. Нѣть не согласны!..

— Виши штука-то какая,—замѣчаетъ кто-то:—одна только сажевъ, да и пер-вѣсна, никто и братъ не сталъ...

— Обѣгогривать другъ друга въ этомъ дѣлѣ нельзя, ребята! Каждому вѣдь жить надо... Лучше сдѣлаемъ такъ: откинемъ дорогу въ правую половину на два кола—4 саж.—да и бросимъ жеребеекъ,—святое дѣло! говоритъ старикъ Петруха.

— Вѣрно, вѣрно, Петро! каждому жить надо... раздается въ толпѣ.

— Взяли двѣ рукавицы, та и другая половина подали по жеребью: кадушкины соломенку, а митенцы щечочку, подали одному положить жеребья въ разныя рукавицы. Взявший жеребья отошелъ отъ артели на почтительное разстояніе, отвернулся, что-бы не замѣтили и положилъ, а затѣмъ принесъ. «Кому теперь бросать?» «Старостѣ!»—закричали міряне. Староста взять рукавицы и бросилъ: «Эта, говорить, рукавица на правую задорожницу, а эта на лѣвую!» На правую вышла съ соломенкой.

— Наша! крикнули кадушкины.

— Ахъ, черть возьми! на самую-то глину нась и сихали, — сказали митенцы.

— Вотъ какъ мы въсъ обѣлали! — хвастають кадушкины.

— Ну, ничего! только пахать потверже будеть, а хлѣбъ-то родится и на лѣвой не хуже, а одворье *), такъ, пожалуй, еще лучше вашегоЯ... Озадки **) вѣтъ только вымокаютъ иногда...

Говориге теперь, что знаете, а ужъ мы въсъ обѣлали, надо правду сказать! не иерестають хвастаться кадушкины.

Пока разсуждали, да измѣряли, время уже подвигнулось къ обѣду. Отправились по домамъ.

Послѣ обѣда стали дѣлить одворье на четверухи, но раздѣлить одворье оказалось не такъ легко, какъ цѣлое поле. Если раздѣлить пополамъ, по числу саженей, то раздѣль быль бы неравенъ, такъ какъ та часть, что шла къ изгороди, была бы меныше, ибо лехи шли туда на откѣсъ, одна другой короче, а послѣдняя леха у изгороди имѣла длины только 20 саж., тогда какъ возлѣ дороги они были по 50 саж. длины. Начали измѣрять: сколько нужно сдѣлать «прибавки» къ укороченной части? Сговорились на три лехи. Откинули это. Затѣмъ откинули $\frac{1}{2}$ лехи или по мѣстному «прилехъ» къ той полосѣ, что возлѣ дороги наѣлится; это на «затопку», такъ какъ дорога не широка и смежная полоса возлѣ нея всегда отчастн затаптывается то людьми, то лошадьми при проѣздѣ. Остальное отъ этихъ «прибавокъ» количество земли и раздѣлили пополамъ, предварительно измѣрявши кольями, — и мотнули жребій. На нашу четверуху палъ жребій къ изгороди.

Въ это время къ намъ подошли митенцы, раздѣливши уже свою половину на четверухи; естественно, съ нашей стороны пошли вопросы: кому и гдѣ досталось?

— Да намъ, брагцы, къ ручью досталось! сказалъ Паршинъ.

— Ну? каменье-то видно все ваше! замѣчаетъ кто-то изъ нашихъ.

— Что дѣлать! жребій-то не лошадь — не сядешь на него?.. Главное — смывается по веснамъ, вѣтъ что худо, а каменье-то ничего бы: гдѣ камень, — тамъ хлѣбъ-то рождается еще лучше, потому — согрѣваетъ онъ корни...

На слѣдующій затѣмъ день раздѣлили одворье сначала на восьмухи, а потомъ уже по-дущино. При этомъ мнѣ еще разъ удалось на дѣлѣ убѣдиться, насколько каждому крестьянину дорога земля, не даромъ пользующаюся такимъ лестнымъ энитетомъ, какъ «матутика кормилица»; за каждымъ вершкомъ ея буквально дрожитъ крестьянинъ, и раздѣль по-полосно, по-дущамъ, производится съ замѣчательной тщательностью. Въ восьмухѣ было 17 душъ, чтобы раздѣлить доставшійся участокъ земли по душамъ прежде всего приступаютъ къ разверсткѣ его, дабы каждому домохозяину досталось земли столько, сколько ему слѣдовало по числу душъ его двора, ни больше, ни меныше, что, въ свою очередь, я долженъ сказать, не легко было сдѣлать съ такимъ единственнымъ инструментомъ, какъ двухсаженный коль. Если бы участокъ имѣлъ правильную форму квадрата, тогда, конечно, другое бы дѣло, но бѣда была въ томъ, что онъ имѣлъ форму неправильнаго трехъугольника, слѣдовательно надо было разверстать такъ, чтобы на сколько одна полоса была короче или длиннѣе другой, настолько-бъ она была шире или уже той, т. е. увеличеніемъ или умнѣніемъ ширины полосы наверстать укороченіе ея. Разумѣется, долго пришлось биться крестьянамъ за этой разверсткой, но, однако, все же достигли желаемаго и поверстали болѣе или менеѣ правильно: на одну полосу сдѣлали прибавку три аршина, на другую два и т. д., затѣмъ счисливъ весь обицѣй прибавокъ въ одно, и то, что получилось, — откинули къ одному краю участка, осталное же смѣрили. Оказалось, что ширины этотъ участокъ имѣлъ еще 18 саж., а душъ въ восьмухѣ было 17, какъ уже сказано, значитъ, на каждую душу приходится по одной сажени и одна сажень еще въ остаткѣ. Чтобы раздѣлить и оставшуюся сажень сдѣлали такую палочку, чтобы 17 таковыхъ равнялись одной сажени, затѣмъ условившись, съ котораго края начинать раздѣлку, метнули жребій кому первому, кому второму надѣлать полосы и приступили къ раздѣлу. Владѣльцу 3-хъ душъ измѣрили 3 саж., 3 палочки и еще то, что слѣдовало на ту полосу изъ общаго прибавка, вѣ-

*) Одворье — первый отъ дворовъ загонъ.

**) Озадки — послѣдній, дальний загонъ въ полѣ.

дѣльну $2^{1/2}$ душъ— $2^{1/2}$ саж. $2^{1/2}$ палочки и т. д. Раздѣливши, навтыкали колышковъ и провѣшили каждый свою полосу, а на крайнихъ колышкахъ сдѣлали по «пятну», по которымъ вносятъ вѣдомства и узнаютъ свои полосы.

Пятно—это тоже, что «тавро» или у татаръ «тамга»,—нѣчто въ родѣ фамиліи, и также переходитъ изъ рода въ родъ въ каждой крестьянской семье, только при раздѣлѣ семьи, выдѣлившаяся новая семья дѣлаетъ на немъ нѣчто собственное, какъ бы собственное имя, но общей родовой признакъ въ пятнѣ остается все же пеприкосновенное. Такъ, напр., наше родовое пятно было косыя зарубки. Прежде, у дѣда, оно обозначалось одной косою зарубкой, отецъ же разскакиша, выдѣлившись, долженъ былъ сдѣлать въ отличие двѣ такія зарубки, а племянникъ отца—три. Затѣмъ, въ старѣвшей послѣ этихъ раздѣловъ семье вновь произошелъ раздѣлъ и выдѣлившаяся семья какъ не могла сдѣлать пятна ни въ одну, ни въ двѣ и три зарубки, а четыре считала обременительнымъ наѣзывать, то сдѣлала одну косую и внизу точку. Въ другомъ родѣ было пятно горизонтальная зарубка и тоже, когда дошло до 4-хъ, то новая семья сдѣлала одну горизонтальную, а другую—вертикальную и небольшую, косыхъ же зарубокъ не могли сдѣлать потому, что это былъ нашъ родовой признакъ пятна. Это—простейшія пятна, но есть и сложныя. Напр., въ кузнецковскомъ родѣ крестики: у Михаила просто крестикъ, у Дмитрия крестикъ и на верху зарубка, у Степана крестикъ и внизу зарубка и т. п.

Такія пятна кладутся и на изгороди, и староста обязанъ знать ихъ всѣ и помнить, осматривая исправность изгородей.

Послѣ одворья начали дѣлить средину и озадки поля и раздѣлили такимъ же образомъ, что и одворье, только, надо замѣтить, трудъ по разверсткѣ здѣсь болѣе усложнился, нежели при раздѣлѣ одворья, гдѣ почва была болѣе или менѣе одинакова. Здѣсь же были полосы каменистая, были и водянистая, на которыхъ хлѣбъ отчасти вымокаетъ. Каждое запущенное мѣсто—«пустовытокъ», по мѣстному, — каждая кочка обсуждалась здѣсь всѣми, какъ какъ крестьяне отлично знаютъ въ своемъ полѣ плодородіе каждого вершка земли и стараются поэтому раздѣлить ее такъ, чтобы каждому досталась всякаго качества земля.

— Тутъ, въ этомъ дѣлѣ нельзя такъ, чтобы отмѣрять по-ровну да и бросить жребій на счастливаго — кому что достанется... Потому — не такое это дѣло... Здѣсь надо подумать, да изверстать, а потомъ ужъ жребій-то, если съ люби нестолкнуться! говорить Петръ, когда его стала упрекать молодежь въ излишней, по ея мнѣнію, медленности дѣлѣя.

Молодежь вообще, надо сказать, рѣшительнѣе: она готова раздѣлить хоть въ одинъ день всѣ поля, не затрудняясь своимъ головамъ о разверсткѣ. Старики же держатся совсѣмъ противоположнаго: они не бросаются на дѣлѣжъ, а стараются сначала «подумать», да «изверстать», а потомъ ужъ раздѣлить тотъ или другой участокъ, слѣдя пословицѣ: «семь разъ помѣряй, а однажды отрѣжь».

А подумать и вправду было о чёмъ! Представьте себѣ площадь пахаты въ 10—20 десятинъ, площадь неправильной формы и различной плодородности почвы: есть тутъ и каменистая, есть и глинистая, есть ляги, есть кустики, камни, есть очень хорошая и мягкая земля, есть и «такъ-себѣ»,—вотъ извольте-ка съ такимъ инструментомъ, какъ двухсаженный коль раздѣлить ее такъ, чтобы каждому домохозяину—а ихъ 70 человѣкъ—досталось той и другой и третьей земли, да и столько, сколько ему слѣдуетъ по величинѣ своего надѣла, ни больше, ни менѣе... Согласитесь, что есть о чёмъ подумать старикамъ?...

Послѣ раздѣла поля приступили къ раздѣлу полянокъ и къ повѣркѣ усадебной осѣдлости. Полянокъ было 18 штукъ и совершенно различной, величины, а также и плодородія, поэтому раздѣлъ ихъ отвѣтъ у насъ цѣлую недѣлю времени. Здѣсь нужно было старикамъ сообразить кромѣ количества распашки еще изгороди, какъ вы они, долго-ли не потребуютъ ремонта? Нужно сообразить и то, возможна-ли дополнительная распашка къ той или другой полянкѣ, а также—кому полянка принадлежала? Если полянка принадлежала хорошему, зажиточному крестьянину, то, значитъ унаруженна, не истощена—и наоборотъ, если бѣдняки владѣли ею. Была и такая полянка, которая принадлежала

ранѣе 30-ти домохозяевамъ; тутъ опять при раздѣлѣ и мѣлко, т. е. по-полосно принималось въ соображеніе, какое мѣсто и кому принадлежало до этого времени.

При раздѣлѣ полянокъ крестьяне несолько оживились духомъ, то и дѣло стали перекидываться уже шутками, такъ какъ приглядѣлись всѣ къ этому дѣлу и перестали скорбѣть о томъ, чтобы не достались все худыя полосы, убѣдившись, что раздѣлъ идетъ ровно. Былъ у насъ одинъ домохозяинъ слабоумненый, по имени Макаръ или Макарко, какъ его всегда называли, которому и досталась въ одной полянкѣ самая лучшая полоса, сильно удобренная.

— Эхъ! — говорятъ шутники, — тебѣ, Макарко, какая-же дрянь досталась, — прости Господи, отъ одной вони задохнешься... Ха! ха!...

Макарко и нось повѣсили, загрустилъ и чуть не плачетъ, что еще болѣе подзадорило шутниковъ, и хохотъ поднялся всеобщій. Наконецъ Макарко не выдержалъ, дѣйствительно заплакалъ и просить своего родственника обмѣниться полосами.

— Полно, дуракъ, — говорить тотъ, — здѣсь смеются надъ тобой, это еще лучше, что унавожена... Для чего ты и павозъ-то возишь, подумай?...

Макарко вдругъ и повеселѣлъ.

— Это, — говорить онъ шутникамъ, — еще лучше, дрянь то!...

Не смотря на свои слабыя умственныя способности, Макарко велъ свое хозяйство почти не хуже другихъ и подати платилъ исправно потому что былъ трудолюбивъ и послушливъ. Что другіе будутъ дѣлать, скажутъ ему, то и онъ дѣлаетъ, и выходило хорошо. Вѣнѣ общины существованіе Макарка, какъ самостоятельного хозяина, не мыслимо, въ общинѣ-же опѣ благополучствовалъ, даже женился и имѣть дѣтей. Личные, индивидуальные недостатки въ общинѣ какъ-то слаживаются, потому что человѣкъ со слабою волей и слабымъ умомъ подпадаетъ подъ влияніе толпы и подчиняется общему течению жизни. Кромѣ того община помогаетъ совѣтомъ и дѣломъ въ несчастіяхъ, напр., вдовамъ въ первое время ихъ вдовства. Этимъ объясняется у насъ и существованіе женщинъ-домохозяекъ, которымъ ведутъ свое хозяйство ничѣмъ не хуже мужчинъ, если въ семье ихъ порядочно рабочихъ рукъ. Въ этомъ — громадное преимущество общины предъ подворно-наслѣдственнымъ землевладѣніемъ.

Послѣ раздѣла полянокъ, занялись повѣркою усадебной осѣдлости.

Усадебная осѣдлость, какъ известно, не подлежитъ передѣлу, но у насъ она измѣряется и verstается пахатнымъ кругомъ, отведеннымъ, вслѣдъ за (свобожденіемъ крестьянъ, подъ усадебную осѣдлость. Здѣсь, прежде всего, смѣяли, сколько каждый домохозяинъ занимаетъ своими постройками и огородами (улицы въ счетъ неидутъ): если больше того, сколько бы ему — по приведенію въ известность — слѣдовало по величинѣ его надѣла, то излишне занятая имъ квадратныя сажени исключались изъ слѣдующей ему полосы въ пахатномъ кругу осѣдлости и причислялись къ тому, у кого осѣдлости было занято постройками менѣе того, сколько-бы ему слѣдовало. Работа и эта оказалась не легкою, потребовавшо цѣлыхъ два дня времени, но справились и съ ней...

При обмѣрѣ осѣдлости, не обошлось безъ ругательствъ и споровъ, особенно выдавался этимъ женскій персональ деревни. Рѣдкая баба не выбѣгала на улицу, когда подходили къ ея дому, прося то или другое мѣсто не класть въ мѣру, и когда не слушались, то награждала цѣлымъ потокомъ браніи всѣхъ, а наиболѣе своего муженька: и пьяница-то она, и подлецъ, и нерачитель дому и т. д.

— Слыхано-ли дѣло, чтобы пустое мѣсто въ огородѣ мѣрять? Вѣдь одна глина а въ полѣ отдай хорошую землю.. Анафемы вы! Проойцы! Нашли такого дурака, какъ мой — єть, такъ просто вамъ.. обмѣривае!... — кричала она, когда огородъ мѣряли весь, сколько было обнесено изгородью, а не по ея, не одиѣ только гряды.

— Да, Матренка, если глина, такъ зачѣмъ ты обнесла изгородью-то? Вѣть какая ни есть земля, а ваша, ты не кого не пустишь съ союзомъ туда!... урезониваетъ ее староста.

— Полно, Матреха, кричать! Не то, ей Богу, отчешу за косы!.. Что ты дуришь! У всѣхъ такъ мѣряютъ, не у насъ однихъ... урезониваетъ наконецъ, и мужъ.

— Пьяницы! Анафемы! кричить, не унимаясь, баба, да и все.

Такие сценки повторялись чуть-ли не у каждого дома.

На будущее время владение усадебной оседлостью оставили опять на прежних основаниях: если кому-либо понадобится строить вновь домъ, амбаръ, хлѣвъ и т. и. или старое строеніе переносить на новое мѣсто, то сѣнять его въ этомъ никто не долженъ, хотя бы строющимся быть занять външній лучшій огородъ. Тотъ же домохозяинъ, у которого строющимся было занято мѣсто, тоже въ свою очередь имѣть право взять у строющагося взамѣнъ его лучшій огородъ или столько саженъ его, сколько было отчуждено подъ постройку, и тогъ не въ правѣ отказать ему въ этомъ.

Такъ кончился на первый годъ передѣлъ пахатной земли, но вслѣдъ за пашней вздумали старики въ этомъ же году раздѣлить и сѣнокосную землю, что и привели въ исполненіе.

Время было уже октябрь мѣсяцъ, погода стояла холодная, изрѣдка выпадали снѣжокъ, такъ-что всѣ запасались шубами и рукавицами, отправляясь на раздѣлъ сѣнокосовъ. Однако, сѣнокосную землю на половины скоро раскинули, даже не отходя отъ старостина дома, такъ какъ не трудно было сосчитать, въ какомъ чищеніи, пожнѣ и сколько накашивается сѣна внизъ по течению рѣки и сколько вверхъ (у часы весь сѣнокос по рѣкѣ), затѣмъ, исчисливъ, раздѣлить по-половамъ это количество сѣна и метнуть жребій. Плодородіе же земли и качество травы было почти одинаково, что вверхъ, что внизъ по рѣкѣ: вездѣ всякой качества была земля, въ общемъ. Такъ и было сдѣлано. Нашей половинѣ досталась земля вверхъ по рѣкѣ.

Но въ пожняхъ, какъ и въ полѣ, чѣмъ мельче дробился участокъ, тѣмъ больше усложнялся раздѣлъ его изъ-за разверстки, даже затруднительне пахаты, во 1-хъ потому, что пожнѣ было числомъ болѣе, нежели полей и полянокъ, во 2-хъ потому, что нѣкоторыя изъ пожнѣ были удалены на 6—8 верстъ отъ деревни, другія-же находились возлѣ самой деревни, значить, тутъ и разстояніе играло не маловажную роль. Пришлось всю сѣнокосную землю въ своихъ половинахъ осмотрѣть, измѣрить, изслѣдоватъ годность и количество изгородей, качество сѣна и количество его въ каждой пожнѣ въ отдельности, возможное улучшеніе и дополнительную расчистку (и при какой затратѣ труда) годной для сѣнокоса земли. Такимъ образомъ, на раздѣлъ сѣнокосовъ мы потратили времени болѣе недѣли, уходя ихъ дому чуть-свѣтъ и приходя уже въ потьмахъ.

Насколько видную роль играетъ здѣсь удобная подъ расчистку сѣнокоса земля, видно уже изъ того, что многие изъ домохозяевъ отказывались отъ нѣкоторыхъ полосъ существующаго покоса и брали «сѣ-любви» взамѣнъ того совсѣмъ заросшія лѣсомъ лаги, но «травянистыя», считавшіяся удобными подъ расчистку. Такъ, впрочемъ, поступали большесемейные, одиночки же довольствовались хоть малымъ, да готовымъ сѣнокосомъ. Да оно и понятно: если однокому взять какое нибудь заросшее мѣсто да расчищать его паймомъ (а одному гдѣ же справиться!), то «сѣно-то будетъ рости покуиное, да и дорогой цѣпою», какъ спрашивали замѣчаютъ они. Не то большесемейные:

Я не боюсь лаги! говорить Яковъ Ивановъ, у котораго было три сына взрослыхъ, да и самъ еще въ «могутѣ»:—Что мнѣ значить на 3-4 года лишиться какихъ-нибудь 5-ти цѣомни сѣна, а потому я, какъ расчищу лагу-то, такъ у меня будетъ рости и 20-ти возовъ въ годѣ!... Въ Тигондѣйкѣ у меня такъ вышло...

Можеть быть Яковъ Ивановъ и прибавилъ для красорѣчія (безъ этого ужъ нельзя!), столько сѣна у него и небываетъ въ Тигондѣйкѣ, гдѣ онъ дѣйствительно въ старину предпочелъ лагу готовому сѣнокосу, но во всякомъ случаѣ трудъ по расчисткѣ удобныхъ для коса лажинъ всегда вознаграждается.

Дѣлѣль сѣнокосовъ по-иолоспо производится даже съ чрезмѣрою разверсткою, которая имѣеть и свою невыгоду, вслѣдствіе дробности участковъ. Такъ, напр., въ одномъ чищеніи на долю каждого домохозяина надѣлили по 10-ти полосъ, которыя по этому были настолько мелки («заяцъ перескочитъ!»), что владѣльцу 3-хъ душеваго надѣла доставалась полоска въ одинъ возъ сѣна. Такъ-что въ данномъ случаѣ крестьяне что выгадываютъ отъ разверстки, не менѣе того теряютъ (и при томъ всѣ) отъ дробности полосъ; потому что чрезъ это и самая работа по косьѣ и уборкѣ сѣна замедляется. Не рѣдко изъ за того, что много времени теряется на переходѣ съ одной

полосы на другую, какую нибудь полосу замочить дождемъ и съно спасть, будь это въ одной полосѣ, они успѣли бы его убрать до дождя...

Но такова ужъ сила обычая, стариками установленнаго и идти противъ этого было бы безполезно...

Сѣнокосами здѣсь дорожать больше всякой земли, не исключая и пахатной, ибо подъ пашню болѣе удобныхъ мѣсть, нежели подъ сѣнокосъ. Безъ сѣнокоса и лучшая пахатная земля не дастъ хорошаго урожая хлѣбовъ, такъ какъ нѣть покоса,—нѣть и скота, а нѣть скота,—нѣть и удобрѣнія, а безъ удобрѣнія какой ужъ хлѣбъ? Отсюда и дробность полосъ, потому что каждому хочется получить «сѣнокосцу», если и не больше мѣрою и не лучшее качествомъ, то и не меньше и не хуже, чѣмъ у другого съ одинаковыми надѣломъ крестьянина.

Такъ кончился на первый годъ раздѣлъ нашей «матушки-кормилицы», и окончаніе его, какъ и всякаго крупнаго мірскаго дѣла, было «вспрыснуто» 2-мя ведрами водки и... сошло благополучно, такъ какъ важное начальство въ то время не жило по деревнямъ и штрафовать нась за это было не кому...

А. А. Шустикова.
